

После того противостояния Линь Янь заболел.

Возможно, эмоциональное потрясение истощило его силы, а может, он просто раскрылся ночью во сне, но уже на следующее утро у него поднялся жар. Линь Янь лежал в беспамятстве, щеки горели алым, а сам он, свернувшись калачиком под одеялом, не переставал дрожать.

В полузабытьи он почувствовал, как чья-то прохладная ладонь легла на его лоб. Это прикосновение было таким знакомым и успокаивающим. Инстинктивно он потерся щекой о руку и издал жалобный, похожий на кошачий скулеж:

— Мне плохо...

Се Юньшэнь сидел на краю кровати, глядя на то, как беспомощен и зависим от него сейчас юноша. Темные волны, бушевавшие в глубине его глаз, постепенно стихли, сменившись чем-то более глубоким — смесью жалости и удовлетворения. Он наклонился и кончиками пальцев осторожно смахнул влагу с уголков глаз Линь Яня, а его голос прозвучал низко и бархатисто, словно выдержанное вино:

— Понял, что плохо? А кто вчера ночью не хотел укрываться и еще вредничал со мной?

В его тоне не было ни капли упрека — лишь безграничное баловство и смирение.

Линь Янь бредил в жару. Уловив лишь ласку в голосе, он почувствовал себя еще более обиженным. Не открывая глаз, он потянулся к руке Се Юньшэня и невнятно пробормотал:

— ...Это ты плохой... Ты обманул меня...

Даже в беспамятстве эта маленькая обида не давала ему покоя.

Се Юньшэнь тихо рассмеялся, и его грудь завибрировала от удовольствия. Позволив Линь Яню сжать свой палец, другой рукой он взял теплую воду и жаропонижающее, которые только что принес дядя Чжоу.

— Хорошо, я плохой, — легко признал он свою вину и терпеливо заворковал: — Давай, выпей лекарство. Станет легче.

Он полуобнял Линь Яня, усаживая его к себе на грудь. Юноша был горячим, как печка, и таким мягким, без единой крупинцы сил. Он послушно проглотил таблетку из рук Се Юньшэня, сделал несколько маленьких глотков воды. Его влажные ресницы опустились, потрескавшиеся от жара губы чуть приоткрылись — от вчерашней колючести не осталось и следа, только полная зависимость и хрупкость.

Сердце Се Юньшэня растаяло. Он осторожно уложил юношу обратно, укрыл одеялом, но не ушел. Разувшись, он прилег рядом и, обхватив Линь Яня вместе с одеялом, притянул к себе.

— Спи. Я буду рядом, — он мягко похлопал его по спине, словно успокаивая ребенка.

Линь Янь нашел удобное положение в его объятиях. В воздухе витал чистый, успокаивающий аромат Се Юньшэня, и холод, принесенный лихорадкой, казалось, отступил. Крепко вцепившись в лацканы его одежды, словно в единственный спасательный круг посреди бескрайнего океана, Линь Янь провалился в глубокий сон.

Сон был беспокойным, полным кошмаров. То перед глазами вставало бушующее пламя, то слышались неясные женские рыдания, то ледяной, пронзительный взгляд Се Юньшэня. Он метался и стонал, пока чья-то нежная сила не вырвала его из этого плена.

— Янь-янь, проснись, это просто сон.

Линь Янь с трудом приоткрыл тяжелые веки. Перед ним было обеспокоенное лицо Се Юньшэня. За окном уже стемнело, и лишь тусклый свет прикроватной лампы очерчивал его мягкие черты.

— Я... — его горло пересохло, голос звучал хрипло.

К губам тут же поднесли стакан теплой воды. Се Юньшэнь поддерживал его, помогая пить с невероятной осторожностью.

Когда Линь Янь допил, он так и остался сидеть в его объятиях. Его одежда насквозь промокла от пота, но дышать стало легче. Жар спал, разум прояснился, и воспоминания о вчерашнем вечере постепенно вернулись. Тело юноши слегка напряглось, он не знал, как себя вести.

Се Юньшэнь заметил это напряжение, но не стал акцентировать внимание. Он лишь тыльной стороной ладони проверил температуру на лбу и с облегчением выдохнул:

— Жар немного спал.

Он взял подогретую рисовую кашу, зачерпнул ложку, слегка подул и поднес к губам Линь Яня:

— Ты целый день ничего не ел, съешь хоть немного.

Линь Янь смотрел на его лицо — такое близкое, сосредоточенное и нежное. Он видел в его глазах нескрываемую боль и снисходительность. Вчерашние острые вопросы и холодное противостояние вдруг показались далекими и нереальными. Болезнь усилила его жажду тепла, а этот жар, казалось, временно размягчил все его острые шипы.

Опустив ресницы, он послушно открыл рот и проглотил ложку каши.

Когда с кашей было покончено, Се Юньшэнь влажным полотенцем тщательно вытер пот с его лица и шеи.

— Ты все еще злишься? — Се Юньшэнь отставил миску и снова заключил его в объятия, прижавшись подбородком к макушке Линь Яня. В его голосе сквозила едва уловимая попытка прощупать почву, но больше в нем было уверенной нежности.

Линь Янь, прижавшись к его груди, слушал ровное, сильное сердцебиение. Помолчав, он глухо отозвался:

— ...Ты больше не будешь мне врать.

Он не стал допытываться о прошлом и не требовал объяснений, просто озвучил это, на первый взгляд, простое условие.

Се Юньшэнь крепче обнял его. В его глазах мелькнул сложный огонек, который тут же сменился еще более глубокой улыбкой.

— Хорошо, — согласился он, целуя его волосы. — Больше никогда не буду тебе врать.

Возможно, эти слова сами по себе оставались ложью, но сейчас, в хрупкости после болезни и в этой одурманивающей нежности, Линь Янь предпочел поверить.

Он слишком сильно привязался к этой исключительной доброте. Даже если она была лишь сахарной глазурью, скрывающей тайну, он был готов проглотить её целиком.

— Тогда ты всегда должен быть рядом со мной, — он нагнул, требуя большего, и его голос, мягкий после болезни, звучал почти как каприз.

Сердце Се Юньшэня отозвалось, словно его щекотали перышком — радостно и сладко. Он опустил взгляд на юношу, который так доверчиво свернулся в его руках, на его влажные, непривычно покорные от слабости глаза. Огромное чувство удовлетворения и собственности переполняло его.

— Хорошо, — снова пообещал он, и голос его прозвучал низко и торжественно. — Всегда буду рядом. В этой жизни, в следующей — я буду с тобой.

Его маленький волчонок, даже после того как оскалил зубы, в конечном итоге все равно вернулся в его объятия, спрятал когти и подставил самое мягкое брюхо.

Этого было достаточно.

А что касается прошлого, которого не должно быть, и возможных помех... взгляд Се Юньшэня на мгновение потемнел, но тут же вновь наполнился глубокой нежностью. Он уладит все дела и позаботится о том, чтобы в мире Линь Яня навсегда остались только они двое.

Линь Янь, успокоенный этим торжественным обещанием, закрыл глаза. Чувствуя на спине мягкие похлопывания, он снова погрузился в сон. На этот раз кошмары его не тревожили.

Зависимость, возникшая во время болезни, стала словно густой мед, скрепляющий их еще крепче. А правда, лишь слегка приоткрывшаяся накануне, казалось, вновь была скрыта этой густой, всепоглощающей нежностью.

<http://bllate.org/book/18641/1795297>